

К. Е. Майтинская, Служебные слова в финно-угорских языках, Москва, «Наука», 1982. 185 с.

Книга К. Е. Майтинской написана на очень актуальную тему, так как теоретическому анализу служебных слов в финно-угорских языках уделялось до сих пор мало внимания, а ряд вопросов по служебным словам в этих языках почти не затрагивался. Сравнительно хорошо освещена проблематика пред- и послелогов, а союзам, например, посвящено лишь несколько работ. В сложившейся ситуации следует всячески приветствовать попытку автора дать многосторонний обобщающий анализ служебных слов в финно-угорских языках. Главной целью своей работы К. Е. Майтинская ставит установление основных линий формирования служебных слов в этих языках и их развития, выявление закономерностей их функционирования, выяснение связей служебных слов с другими частями речи, определение особенностей служебных слов в зависимости от языкового типа. Полученные в работе результаты представляют, несомненно, большой интерес для исследователей всей группы финно-угорских языков, а также для специалистов по общему языкознанию. Приводимые в работе данные из неродственных языков подтверждают наличие аналогичных явлений в языках разных генетических групп.

Первая глава работы посвящена рассмотрению пред- и послелогов. С теоретической точки зрения следует полностью поддержать утверждение К. Е. Майтинской о том, что разные падежные формы при послелогах должны классифицироваться не как три разные падежные формы одного послелога, а как три отдельных послелога (с. 10). Но мы все же считаем, что при описании и сравнительно-историческом анализе финно-угорских послелогов удобнее рассматривать такие падежные формы в качестве одного послелога с разными вариантами — и это вполне допустимо. Бесспорно ошибочным же следует вместе с К. Е. Майтинской признать встречающееся в специальной литературе мнение о том, что якобы сами послелоги могут изменяться по падежам.

Особый интерес представляет вопрос о критериях разграничения послелогов и падежных окончаний в финно-угорских язы-

ках. Кроме перечисленных в работе, следует еще считаться с критерием, предложенным Б. А. Успенским (см. Б. А. Успенский, Структурная типология языков, Москва 1965, с. 98—99), согласно которому послелог, в отличие от падежного окончания, может относиться одновременно к нескольким именам. (Придерживаясь этого критерия, напр., морфеме *-ga* в эстонском языке следует считать не падежным окончанием комитатива, а послелогом: *ema ja isa-ga* 'с матерью и отцом'.)

Привлекает внимание интересный вывод К. Майтинской о том, что наибольшее количество заимствованных пред- и послелогов встречается в бесписьменных финно-угорских языках и в языках, литературные варианты которых имеют сравнительно недавние или слабые традиции, а в старых литературных языках — венгерском, финском и эстонском — они отсутствуют (стр. 49). Очень интересны анализ относительной хронологии формирования послелогов в финно-угорских языках (с. 58 и посл.) и его результат: послелоги как особая полноценная категория служебных слов появились относительно поздно.

Во второй главе работы автор рассматривает союзы. Следует особо подчеркнуть новизну и важность такого обобщающего анализа на фоне отсутствия подобных попыток в специальной литературе по финно-угорским языкам. Особый теоретический интерес привлекает анализ относительной хронологии формирования категории союзов в финно-угорских языках (с. 110 и посл.), в котором правильно показано, что этимологическая идентичность как по корневым, так и по суффиксальным морфемам еще сама по себе не доказывает прафинно-угорское происхождение союза. К. Е. Майтинская приходит к выводу, что в финно-угорский период категории союза еще не существовало.

Разбор частиц проводится в третьей главе работы. Трудоемким было уже определение категории частиц в финно-угорских языках (с. 115 и посл.). Значительные трудности К. Е. Майтинская встречает при попытке выявления относительной

хронологии формирования частиц в этих языках, поскольку этимологии частиц по большинству финно-угорских языков специально не изучались (отдельные неполные сведения о них разбросаны по специальной литературе). Однако автор работы кропотливо собирала материал и ей удалось достичь заметного успеха на пути к решению данной проблемы. К. Е. Майтинская не сомневается, что формирование частиц началось раньше, чем других служебных слов, поскольку отдельные частицы употреблялись, по ее мнению, уже в финно-угорском праязыке. Но в работе же правильно отмечается, что к указанному периоду с полнотой уверенностью можно отнести всего три частицы.

Нельзя забывать, что служебные слова составляют заметную часть лексики финно-угорских языков, имея по встречаемости большое преимущество перед знаменательными частями речи. На таком фоне особо бросается в глаза отсутствие их систематического цельного анализа, что повышает значимость рассматриваемого исследования К. Е. Майтинской. Эта работа представляет большой интерес для широкого круга лингвистов как в теоретическом плане, так и в связи с возможностью легко обнаружить в ней необходимые, часто редкие и труднодоступные данные по служебным словам финно-угорских языков. В свою очередь этому способствует наличие в конце книги указателя приведенных в ней служебных слов.

АГО КЮННАП (Тарту)

Ф. И. Гордеев, Этимологический словарь марийского языка. Том 1, А-Б, Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 1979. 255 с. Том 2, В-Д, 1983. 287 с.

Составление этимологического словаря — большая и трудоемкая работа. По марийскому языку над таким словарем трудится Ф. И. Гордеев. С разницей в четыре года изданы первые два тома «Этимологического словаря марийского языка» (от А до Д). Признавая все значение и важность данного предприятия, рецензент считает необходимым изложить здесь ряд замечаний по материалу первых двух томов, которые автор сможет учесть в своей дальнейшей работе.

Первый том словаря (далее — ЭСМЯ I) содержит много слов, не относящихся к марийской лексике. Ведь отдельные группы двуязычного марийского населения находятся на пути к вторичному монолингвизму и, если учитывать все слова их смешанной марийско-татарской или марийско-русской речи, объем словаря чрезмерно разрастается. Рецензент считает, что таких слов в ЭСМЯ I около 300: *авыга, абау, абыстай, авләки, аврät, аят, аяу, ба-а-а, бабыкай, багор, бамовец, бändä, бандитлык, бärägäй, барахолка, берйоло, беркут, бездетный, беспокойный, бессмертный* и т. д. Встречаются и в ЭСМЯ II лишние слова: *вечевой, вечерня, вещевой, вовсю, выручалочка, выхухоль, гäйдä,*

гладь, годовой, двор, двустволка, деревянный, дубинка и т. д. вряд ли можно отнести к марийской лексике. В то же время в I и II тома не вошли достаточно важные для истории марийского языка слова: *авалгодсо* 'древний', *äви* 'теща', *азал* 'мучительно, канительно', *авыре: авыре гыц кеаш* 'выбиться из сил', *айынаш* 'гнуться и т. д.', *айыпан* 'неполноценный', *акавел(ем)* 'жена старшего брата мужа', *äки* 'старшая сестра', *аптырташ* 'вызывать некоторую боязнь, стеснение', *äптыртäш* 'мешать, стеснять', *акретгодсо* 'стародавний', *арва* 'серый, темно-серый со светлыми пятнами', *ареш пураш* 'заступаться', *артараш* 'добавлять, прибавлять; преувеличивать', *аптрал* 'затруднительное положение', *авас* 'горазд(ый) на что-л.', *äпшä* 'простофиля', *атнирнат* (о звуке гармонии), *бäбäй* 'дитя', *бäбäйштäk*, *вавайтак* 'дополнительный узкий подол женского платья восточных мариек', *баринь* 'праздный человек, сибарит', *бокаре ~ покор* 'бухарский, среднеазиатский', *буйор* 'позор, посрамление; постыдный', *вавай* 'бабушка', *вакырнаш* 'ужиться', *велтык* (= *küшеш*), *викок* 'не отклоняясь', *войзаш* 'приходиться, быть должным', *вра, выра* 'да, так (частица утверждения)', *вуймари* 'мариец из с. Бима',